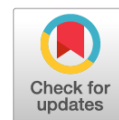

УДК 340.11

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS595873>

Научная статья

Толкование права как познавательный процесс

Г.М. Азнагулова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Толкование права выступает существенным элементом правоприменения как деятельности государственной власти и иных компетентных органов, содержательная сторона которой направлена на обеспечение законности и верховенства права в обществе.

Правоприменение — это многоуровневая сложная система, важной характеристикой которой является наличие пространственно-временной иерархии. Теоретико-правовое исследование теории и практики правоприменения на конкретных этапах исторического развития представляет одно из важных направлений и актуальную задачу правовой науки, обусловленную особой ролью пространства и времени в юриспруденции, а именно нарушением принципа их однородности, имеющего место в эмпирико-аналитических науках.

В историко-герменевтических науках познание социальных и в том числе правовых феноменов и текстов достигается путем понимания и разъяснения смысла в соответствии с методами и правилами герменевтики. Критический анализ возможных теорий и концепций осуществляется с помощью толкования текстов, приобретающего первостепенное значение при практической реализации права.

По сути, толкование права представляет собой сложный познавательный процесс с широким использованием понятийно-категориального аппарата философии и права, охватывающего широкий контекст правовой действительности. При этом центральная задача сводится к уяснению и разъяснению причинно-следственных, пространственно-темпоральных, политико-экономических, социально обусловленных связей в бытии человека в государстве. Тогда главную значимость приобретает установление смысла, содержания и назначения нормативного правового акта как целевого результата при системном подходе к явлению толкования права.

Ключевые слова: методология права; правовая герменевтика; толкование права; системный подход; познание смысла.

Как цитировать

Азнагулова Г.М. Толкование права как познавательный процесс // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 4. С. 7–14.
DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS595873>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS595873>

Scientific Article

Interpretation of Law as a Cognitive Process

G.M. Aznagulova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The interpretation of the law is an essential element of law enforcement by the state authorities and other competent authorities. It is primarily aimed at ensuring the rule of law and the rule of law in society.

Law enforcement is a multilevel complex system, whose peculiar characteristic is the presence of a spatial-temporal hierarchy. The theoretical and legal study of the theory and practice of law enforcement at specific stages of historical development is a crucial direction and an urgent task of legal science because of the special role of space and time in jurisprudence, namely, violation of the principle of their homogeneity in empirical and analytical sciences.

In the historical and hermeneutic sciences, the cognition of social, including legal, phenomena and texts is achieved by understanding and explaining the meaning using the methods and rules of hermeneutics. The critical analysis of theories and concepts is carried out by interpreting texts, which is paramount in the practical implementation of law.

More specifically, the interpretation of law is a complex cognitive process based on the conceptual and categorical apparatus of philosophy and law, covering broad legal reality. Its central task is to clarify the cause-and-effect, spatial-temporal, political-economic, and socio-conditioned connections related to the existence of a person in the state. Subsequently, the paramount is the establishment of the meaning, content, and purpose of the normative legal act

Keywords: methodology of law; legal hermeneutics; interpretation of law; systematic approach; cognition of meaning.

To cite this article

Aznagulova GM. Interpretation of law as a cognitive process. *Russian journal of legal studies*. 2023;10(4):7–14. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS595873>

Received: 09.10.2023

Accepted: 17.11.2023

Published: 20.12.2023

Право как социальный феномен находит свое практическое осуществление путем правореализации, особой формой которой выступает правоприменение. Оно представляет собой важное направление деятельности органов государственной власти, связанное с осуществлением правопорядка на основе принципа верховенства закона и демократизации общественной жизни.

Право, оперирующее такими фундаментальными категориями, как свобода, справедливость и равенство, есть деятельность, нравственная, тотально открытая система. Главным направляющим фактором деятельности в сфере регулирования общественных отношений может служить лишь познание права, базирующееся на идеях, имеющих крепкую теоретическую основу с социологическим видением мира. Поэтому следует усматривать в качестве незыблемой методологической основы всех отраслевых юридических наук теорию права и государства в широком контексте социологических подходов.

Правоприменение являет собой иерархически структурированный, многоуровневый и многостадийный процесс. Существенной составной частью этого системного процесса является толкование нормы права — сложный познавательный процесс, нацеленный на уяснение смысла и содержания общеобязательной воли законодателя. Смысл как глубинная сущность явления представляет малоизученный вопрос в категориальном аппарате права. Поэтому теоретико-правовое исследование теории и практики правоприменения становится объективной необходимостью в ходе развития правовой мысли, а также в динамике законодательного процесса.

Правовые воззрения на социальный мир возникают как результат процессов цивилизационного развития общества, имеют своим основанием нравственные и социальные факторы и находят воплощение в различных теоретико-правовых учениях и концепциях, нормах морали и принципах intersubjectivного взаимодействия. Они охватывают широкую сферу материальных и духовных отношений, общественного и государственного управления, объединяющих все когнитивно-практические и политико-правовые мировоззренческие системы, которые имеют содержательным моментом свою нацеленность на устойчивое функционирование общества и государства как сущего и должного [1, с. 37–44].

Специфическая особенность юриспруденции как историко-герменевтической науки состоит в том, что познание правовых феноменов и текстов достигается путем понимания и разъяснения смысла в соответствии с методами и правилами герменевтики. Критический анализ возможных теорий и концепций осуществляется толкованием текстов, приобретающим первостепенное значение при практической реализации права. Толкование права является одним из неотъемлемых элементов правоприменительного процесса и содержательной стороной законотворческого процесса [2]. Если говорить о содержательной стороне толкования, то оно являет собой сложный

познавательный процесс, когда истинность формулируемых умозаключений определяется строем используемого понятийно-категориального аппарата, применяемого уже в обсуждаемых правовых нормах с привлечением философско-юридических понятий в широком контексте правовой действительности.

Толкование права по сути предполагает уяснение и разъяснение причинно-следственных, пространственно-темпоральных, политико-экономических, социально обусловленных связей в бытии человека в государстве. Является вполне оправданным, что в понятие «толкование норм права» включаются понятия «смысл», «содержание» и «назначение» [3, с. 83].

Поэтому при толковании правовых норм особое значение приобретают мировоззренческие подходы. В это понятие мы обобщенно будем включать общие и специфические государственные интересы, официальную и неофициальную политику и идеологические установки государств, тактические и стратегические цели — все те вопросы, которые в существующих условиях мирового порядка в соответствии с национальным пониманием мировых проблем и прогноза их развития призваны обеспечить стабильность государства и способствовать повышению его международного статуса. Поэтому толкование права не есть формализованный юридический, а комплексный мыслительный процесс, затрагивающий судьбу человека, общества и государства. Так, любой нормативный правовой акт, выражая волю государства, неизбежно отражает согласованные интересы государства, общества и личности как в материальной, так и духовной сфере.

Интересы государств всегда носят многогранный и многоаспектный характер. Их главное содержание направлено на обеспечение стабильности государственного строя, сохранение и укрепление конституционных основ общества, повышение статуса государства на международной арене [4, с. 548], развитие экономической и социальной сферы в интересах человека [5, с. 763].

Будем рассматривать толкование права как особый вид интеллектуальной деятельности уполномоченных государственных органов, различных организаций и учреждений, а также отдельных людей, имеющей своей целью уяснение и разъяснение смысла нормы и воли законодателя [6, с. 138]. При этом воля правоустановителя может быть установлена в различных формах права.

Следует отметить, что наряду с правовыми обычаями писанный закон столь же древен, как и само Древнее общество. Исторические свидетельства этому — хорошо известные в науке законы царя Хаммурапи, древнеиндийский эпос Артахаштра и др. Вместе с древними памятниками права в общественной жизни возник немаловажный вопрос о правильном применении правовых обычаев и писаных законов, адекватной трактовке их содержания. Поэтому можно считать, что толкование права уходит своими корнями в глубокую древность.

Мысль фиксируется в языке — материальной форме процесса и, приобретая трансцендентные свойства, анализируется как объект, лежащий вне самой мысли; то есть посредством языка происходит объективизация мысли о действительности. В этом заключается важнейшая черта процесса познания. Объект познания — правовая действительность — имеет онтологический смысл, и осознанные знания о нем составляют предмет теории права как результат познавательной работы субъекта правопознания, т. е. возникает субъективная правовая реальность. Рассматривая соотношение понятий «объект» и «предмет», следует подчеркнуть, что в современной юридической науке последнее используется в двух аспектах. Во-первых, если объект выступает как некое бытие, как объективное или субъективное, то осознанные знания о нем составляют содержание понятия «предмет» (например, биология, теория государства и права). Во-вторых, при изучении сложных объектов выделяют их отдельные аспекты (свойства), части и обозначают последние понятием «предмет», который становится в данном случае объектом исследования.

Развитие продуктивного труда означало не только практическое использование орудий труда, но и изготовление более совершенных средств производства взамен простых приспособлений. Одновременно с совершенствованием форм труда шел процесс становления особой абстрактной знаковой системы — языка и речи как его материальной и функциональной формы существования. Основой этому явилась потребность людей в общении в процессе трудовой деятельности, имеющей коллективный характер.

Вместе с историческим развитием продуктивного труда и языка, устной и письменной речи, усложнением форм человеческой деятельности стал гносеологический вопрос о понимании, постижении смысла явлений и методов, выражаемого языковыми знаками.

Несмотря на кажущуюся простоту своего содержания, часто употребляемые в разговорной и официальной речи слова «понимание» и «смысл» по своей сущности представляют серьезные гносеологические вопросы не только лингвистической семантики, но и понятийно-категориальной системы философии.

Согласно современным трактовкам [7] категория понимания предстает универсальной операцией организации мышления и означает:

- 1) познавательную способность человека, оценку свойств непознанного объекта, факта в системе устоявшихся знаний, углубление знаний;
- 2) способ постижения смысла культурных универсалий, включая процедуры герменевтики в определении смысла текстов и высказываний;
- 3) определяющий характеристики существования человека специфический способ — главный модус, экзистенциал — бытия человека в мире.

Появление новых дискурсивных практик и возможностей их анализа [8] выявило иные формы и уровни

понимания, имеющие важное методологическое значение в правовой практике, в частности в правоприменении. Отметим здесь наиболее существенные моменты из них для практики толкования права:

1. Результаты толкования не могут отождествляться только понятиями, а выражаются в концепте, значении и смысле высказывания.
2. Снимается тождество между рефлексией и пониманием.
3. Устанавливаются различия между денотатом, значением и смыслом.
4. Акцентируется внимание на изучении различных форм выражения смысла, которые помимо понятий охватывают теории, тексты, различные семиотические системы, произведения культуры.

5. Уяснение понимания есть продуктивная познавательная деятельность, где задействованы все когнитивные способности человека (воображение, внимание, речь, память, интуиция), и она рассматривается как взаимоинтенциональные действия постижения смысловых образований в конкретных контекстах и исторических ситуациях.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что результат толкования раскрывается не в понятиях, а в идеях, поскольку понимание разворачивает многообразное в единой объективной истине, наиболее полно раскрывающей сущность социального явления на данном историко-познавательном этапе. Тогда понимание становится важнее формального знания [9].

Таким образом, категория понимания имеет важное методологическое содержание и становится одним из базовых методов историко-герменевтических наук [10]. Уместно отметить и то, что метод понимания занял достойное место в системе общественных наук начиная с 20-х гг. XX в.

Необходимо здесь сказать об особенной роли пространства и времени в естественно-научных и гуманитарных науках. Естественно-научные дисциплины, имеющие в своем основании человеческий опыт, обобщенный и развитый аналитико-математическими методами с исходными этапами философского мышления, составляют суть позитивистской идеи в познании природного мира и опираются на контролируемый опыт в качестве критерия истинности гипотез и теоретических заключений. В науке права, относящейся к гуманитарным, то есть историко-герменевтическим наукам, факторы социальной жизни постигаются пониманием смысла, а смысл высказываний диктуется правилами герменевтики. Роль критерия истины в праве играет толкование текстов с позиций историзма, системно-структурной организованности явлений: «историзм превратился в позитивизм гуманитарных наук» [11, с. 170].

Глубинная причина различия методологических рамок диктуется особой значимостью однородности пространства и времени в эмпирико-аналитических науках, благодаря которой их результаты исследования имеют

инвариантный характер относительно пространственно-временных сдвигов, в то время как гуманитарные науки постигают социальный мир путем понимания смысла и «перепроверки гипотез, что соответствует толкованию текстов» [11, с. 173].

Центральным вопросом теоретической обоснованности результатов толкования выступает трактовка категории «смысл», являющейся по сути одним из самых сложных понятий герменевтической науки. Понятие смысла, имеющее самые разнообразные констелляции с эпистемологией, функционированием мышления и гегелевским мировым духом и подкрепляемое идеей немецкой классической философии о тождестве бытия и мышления, является многозначным понятием, допускающим разные трактовки. Сложность и многогранность смысла выражается в том, что эта категория становится предметом изучения самых различных научных направлений. Так, в правовой герменевтике, где понимание текста нацелено на установление намерений и целей законодателя, принято считать, что смысл существует не в самом знаке, а есть интенция — направленность сознания субъекта — автора, внеположная самому тексту нормативного акта, но воплотившаяся в нем и дающая этому акту онтологические основания существовать как правовое явление.

Методологически обоснованный подход к толкованию права позволяет глубоко вникнуть в исторически определенный смысл и значение нормативных правовых актов, раскрыть их общечеловеческую ценность. Поэтому конкретными задачами толкования права являются понимание и разъяснение онтологических и праксеологических установок субъектов правотворчества. Эту процедуру можно описать в рамках метода понятия путем установления смысла, значения и назначения конкретного правового акта. При этом осуществляемый познавательный процесс должен быть тесно увязан с рассмотрением сущности права как такового и историческим контекстом и ситуаций.

«Смысл» как философская категория означает внеположенную сущность феномена, определяет его место в некоторой более широкой целостности и превращает возможность его осуществления в необходимость согласно онтологическому порядку явлений.

Есть точка зрения [12], что смысл не принадлежит ни внешнему миру предметов, ни внутреннему миру субъектов познания, а представляет некоторый «третий мир», возникающий в результате коммутаций первых двух миров. Поэтому в правовой герменевтике существует утверждение о том, что смысл явления и предмета может быть достигнут лишь в той мере, в какой процессы толкования раскрывают духовный мир самого субъекта толкования, понимание им глубинной сущности права, внутренних связей правового акта и установленных фактов конкретного дела.

Категория смысла вводит отношение *часть — целое* в толковательный процесс. При этом имеет место

так называемый герменевтический круг, означающий, что при правовом толковании смысл слова должен быть определен исходя из целого — всего текста нормативного правового акта, а сам нормативный правовой акт как некая целостность может выступать совокупностью его частей.

Придавая большое значение феноменологическому подходу и при изучении социальных явлений, еще в начале XX в. российский философ Густав Шпет пишет: «Я возьму <...> бытие социальное. Как к нему прийти? За оболочкой слов и логических выражений, закрывающих нам *предметный* смысл мы снимаем другой покров объективированного знака, и только там улавливаем некоторую подлинную интимность и в ней полноту бытия <...> В *непосредственном* единении уразумения мы открываем подлинное единство смысла и конкретную целостность проявившегося в знаке как предмете» [13, с. 208].

Это положение о внутренней связи смысла и предмета открывает перспективный путь к познанию смысла явления [14, с. 5–6]. Деятельность разума, выходящая за пределы метафизических представлений и берущая в качестве своего инструмента феноменологическую концепцию Гегеля и Гуссерля, указывает искать смысл явления в содержании предмета и «заключает в себе правило раскрытия вещи в ее действительном бытии» [13, с. 208]. Тогда смысл *конкретного* следует искать в рамках целостного подхода к явлению в диалектике отношения *целого и части*.

При определении понятия смысла с прагматической точки зрения этот феномен оценивается с позиции субъекта деятельности. В этом случае смысл становится ценностью и в бытовом сознании воспринимается как характеристика значимости и полезности в жизни.

Смысл зависит от сути знаний о предмете, отношения к нему, ценностной оценки, функционального назначения предмета, целеполагания и раскрывается в контексте жизненной ситуации. Названные понятия могут быть рассмотрены в качестве составных компонентов смысла. Тогда достигается понимание и того, что толкование права в процессе правоприменения должно с необходимостью опираться на надлежащую доктринальную основу.

Правовая доктрина пронизывает все составные элементы любой правовой системы и выступает одним из моментов применения дедуктивного метода в праве. Реализация самого права происходит на основе общих правовых доктрин, объемлющих все достижения национальной правовой системы. Они отражают уровень правовой культуры, состояние правовой науки, национальные правовые традиции и общий научный потенциал общества в конкретных исторических условиях. Как и вся научная мысль, правовая доктрина должна отвечать требованиям времени. Правовая доктрина составляет концептуальную основу правопорядка и правовой методологии. Одним из инструментов, обеспечивающих эмпирическое развитие права путем обогащения правовых доктрин, может служить судебная доктрина [15].

Используя принцип историзма при толковании права, правоприменитель не просто расширяет свои представления о толкуемой норме, но и определяет, что очень важно, каким образом ее следует интерпретировать в данный момент времени, принимая во внимание изменчивость языка закона.

Классические способы правопонимания, признаваемые в отечественной научной доктрине, предопределяют необходимость соотносить смыслы нормы, полученные судом при толковании того или иного правового акта.

В отечественном праве широко используются различные способы толкования, рассматриваемые во взаимосвязи и обеспечивающие системный подход к процессу толкования, поскольку лишь благодаря этому возможно наиболее полное раскрытие содержания правового акта в соотношении с конкретным юридическим фактом. Толкование права, являясь познавательной деятельностью субъекта, имеет ценностно-целевой характер.

Важная особенность научного познания природы и общества состоит в широком использовании так называемого системного анализа, определяемого в узком смысле как средство принятия решений в рамках требуемых конечных результатов, а в широком смысле отождествляемого с «системным подходом», который есть «направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которой лежит исследование объектов как систем», нашедшее должное место в правовой науке [16].

Подчеркивая сложность правовой материи, Д.А. Керимов дает следующий вариант определения системности права: «Системность права — это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей, структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования» [17].

Целостный системный подход в толковании норм права позволяет глубоко проникнуть в их глубинную сущность, исторически детерминированный смысл и значение норм, выяснить их общечеловеческую ценность. Таким образом, задачей толкования является выяснение и разъяснение онтологических, праксиологических, аксиологических установок законодателя. Эту процедуру можно было бы описать понятиями смысла, значения и назначения правовой нормы.

Заметим, что одним из методов толкования права в юридической практике является телеологическое (целевое) толкование. Этот метод, отрицаемый в юридической практике в советское время, как и само научное направление телеология, на современном этапе развития права входит в практику правоприменения.

Отметим, что понятие цели является одной из универсальных категорий философии и означает устремление субъекта на определенную реальную вещь, а также завершающий результат, на который сознательно

направлен процесс. Это понятие неразрывно связано с осуществлением деятельности субъекта и представляет предвосхищение в мыслительном процессе результатов его деятельности и пути их реализации. При этом главные мотивы действий человека, основанные на рефлексированных потребностях и перешедшие в цели, детерминируют деятельность человека, организуя ее в определенную систему последовательных действий. Поэтому вполне оправдано рассмотрение цели в качестве движущей силы и одного из основных факторов становления реальности в немецкой классической философии.

Процесс разработки целей субъектом основан на целесообразности тех или иных действий, приводящих к заранее ожидаемым результатам, иначе говоря соответствии вполне завершенных состояний ментально предполагаемой их модели. Следовательно, целесообразность может быть рассмотрена, во-первых, как имманентная характеристика внутренне присущих взаимодействий объекта *самого по себе* и, во-вторых, как отношение между объектом и субъектом. В марксизме понятие целесообразности предполагает целеполагание в качестве сущностного элемента мыслительного процесса и предметно-продуктивного труда, объемлющего собой духовную и творчески преобразующую формы деятельности.

Категория цели в ее соотношении с правом как социальным феноменом выступает в двух аспектах.

Во-первых, она может быть рассмотрена как «цель в праве», когда в соответствии с лингвистическими нормами понятие цели, получившее конкретное содержание и свою конкретную действительность, становится внутренним атрибутом права, направленным на понимание связей и отношений элементов права, их смыслов, а также тенденций развития правовой системы в ее социально-исторической обусловленности.

Во-вторых, категория цели может быть соотнесена с внешним проявлением права в контексте регулируемых им общественных отношений, характеризующим право в качестве одного из функциональных элементов, организующих и направляющих общественную жизнь. В этом случае цель, заложенная в содержании нормативных правовых документов и главным образом дающая качественную определенность той или иной правовой системы, служит исходным критерием действительности и действенности социального предназначения права. Тогда уместно говорить о «цели права» в духе позитивизма Иеринга в осуществлении права.

Необходимо сделать следующее замечание. В отечественной юриспруденции широко используется понятие «цель в праве» в строгом смысле как конкретно ожидаемый результат осуществляемой деятельности. При этом акцент делается не на онтологическую сущность права, а на его функциональную роль. Тогда главной целью в праве обозначается практическое осуществление права, неукоснительное исполнение требований нормативных правовых актов. По сути подобная трактовка становится

тождественной цели права, то есть определяет цель, заложенную законодателем в нормативный правовой акт, предполагающий достижение конкретного социально значимого результата в совершенствовании определенной сферы общественных отношений. Такое понимание правовой цели характерно для судебных органов при телеологическом толковании права для уяснения смысла правовой нормы [2; 15].

Таким образом, толкование права должно осуществляться несомненно только при целостном подходе к правовым феноменам. Правовая система общества в онтологическом плане по своему происхождению и содержанию носит объективный характер. В то же время в познавательной деятельности выделение *целого* и *части* субъектами правоприменения является субъективным. Поэтому определение целостности правовых явлений при толковании права несет в себе элемент неоднозначности. Является допустимым на практике правоприменения использование принципа системности права с точки зрения как всей правовой системы, так и системы

права, а также определенной системы, объединяющей совокупность однородных правовых норм, приобретающих тогда признаки *особенного* в рамках системы права. Данное *особенное* открывает связь *единичного* с *общим*, раскрывает взаимосвязь *части* и *целого* в процессе толкования и, будучи включено в более широкую *целостность*, приобретает новые качества и способствует тем самым более глубокому уяснению смысла общеобязательной воли законодателя, заложенного в норме права. Немаловажный фактор состоит в том, что толкование права есть познавательный-творческий процесс, не только использующий уже существующие правовые знания и идеи, но и создающий новые знания в процессе мыслительной деятельности. Поэтому известные виды толкования, систематизация которых проводится прежде всего в гносеологических целях, целесообразно рассматривать как целостную систему, что согласно феноменологической концепции расширит функциональные возможности различных видов толкования в уяснении и разъяснении смысла правовой нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малахов В.П., Азнагулова Г.М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник МГПУ. 2021. № 2. С. 37–44. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.04
2. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. Москва: Российская академия наук, 2018.
3. Керимов Д.А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Москва: Академия, 2007. 196 с.
4. Азнагулова Г.М. Россия и новый мировой порядок // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. XX Международные Лихачевские чтения 9–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. С. 548–550.
5. Азнагулова Г.М. Субстанциональная сущность международного права // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 138–151.
6. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. Москва: ИНФРА-М, 2006. 1536 с.
7. Огурцов А.П. Понимание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. / под ред. В.С. Степина. Москва: Мысль, 2000–2001. С. 279–283.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 382 с.
9. Гейзенберг В. Часть и целое. Москва: Наука, 1989. 400 с.
10. Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5–13. DOI: 10.12737/jrl.2020.090
11. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». Москва: Праксис, 2007. 208 с.
12. Фреге Г. Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1997. 128 с.
13. Шпет Густаф Явление и смысл: феноменология как основание науки и ее проблема. Москва: Гермес, 1914. 227 с.
14. Жигитов А.А. Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. 2023. № 3. С. 107–119. DOI: 10.25839/MATGIP_2023_3_107
15. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного суда Российской Федерации. Москва: Норма, 2023. 384 с.
16. Философский энциклопедический словарь / под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева, и др. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
17. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). Москва: Аванта +, 2001. 560 с.

REFERENCES

1. Malahov VP, Aznagulova GM. Problema pravoponimaniya v usloviyah cifrovoy real'nosti // Vestnik MGPU. 2021;(2):37–44. (In Russ.). DOI: 10.25688/2076-9113.2021.42.2.04
2. Habrieva TYa. Izbrannye trudy: v 10 t. Vol. 6. Teoriya tolkovaniya prava. Teoriya pravotvorchestva. Konceptii razvitiya zakonodatel'stva. Moscow: Rossiyskaya akademiya Nauk; 2018. (In Russ.).
3. Kerimov DA. Izbrannye proizvedeniya. V 3 t. Vol. 1. Moscow: Akademiya; 2007. (In Russ.).
4. Aznagulova GM. Rossiya i novyy mirovoj poryadok. In: Global'nyj konflikt i kontury novogo mirovogo poryadka. XX Mezhdunarodnye Lihachevskie chteniya 9–10 iyunya 2022 goda. Saint-Petersburg: SPbGUP; 2022. P. 548–550. (In Russ.).
5. Aznagulova GM. Substancional'naya sushchnost' mezhdunarodnogo prava. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2023;27(1): 138–151. (In Russ.).
6. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. Ed. by A.Ya. Suharev. Moscow: INFRA-M, 2006. (In Russ.).
7. Ogurcov AP. Ponimanie. In: Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. Vol. 3. Ed. by V.S. Stepin. Moscow: Mysl'; 2000–2001. P. 279–283. (In Russ.).
8. Habermas YU. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. Saint Petersburg: Nauka; 2001. (In Russ.).
9. Gejzenberg V. Chast' i celoe. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
10. Pashencev DA. Modernizaciya metodologii pravovyh issledovanij v usloviyah stanovleniya novoj nauchnoj racional'nosti. *Zhurnal rossijskogo prava*. 2020;8:5–13. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.090
11. Habermas YU. Tekhnika i nauka kak «ideologiya». Moscow: Praksis; 2007. (In Russ.).
12. Frege G. Izbrannye raboty. Moscow: Dom intellektual'noj knigi; 1997. (In Russ.).
13. Shpet Gustaf Yavlenie i smysl: fenomenologiya kak osnovanie nauki i ee problema. Moscow: Germes; 1914. (In Russ.).
14. Zhigitov AA. Istinnij smysl kak ob'ekt tolkovaniya prava. *Teoriya gosudarstva i prava*. 2023;(3):107–119. (In Russ.). DOI: 10.25839/MATGIP_2023_3_107
15. Habrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doktrinal'nye osnovy praktiki Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii. Moscow: Norma, 2023. (In Russ.).
16. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. Ed. by S.S. Averincev, E.A. Arab-Ogly, L.F. Il'ichev, et al. Moscow: Sovetskaya enciklopediya; 1989. (In Russ.).
17. Kerimov DA. Metodologiya prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava). Moscow: Avanta +; 2001. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Гузель Мухаметовна Азнагулова, доктор юридических наук;
ORCID: 0000-0001-7265-2399; eLibrary SPIN: 8893-6030;
e-mail: AGM09@mail.ru

AUTHOR INFO

Guzel M. Aznagulova, doctor of law;
ORCID: 0000-0001-7265-2399; eLibrary SPIN: 8893-6030;
e-mail: AGM09@mail.ru